

По кличке Депутат

Алексей Кузнецов

Некоторые люди законы устанавливают, иные — нарушают, причём неоднократно. Встречаются и такие, кто совмещает эти два занятия. В силу нестандартности подхода они-то и представляют особый интерес, в том числе для Истории...

«Благо народное»

17 октября 1905 года Николай II подписал «Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка». Делать ему этого в высшей степени не хотелось: последний русский император был убеждённым сторонником тезиса о единоличном управлении страной помазанником божьим, то есть со- бой. «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель», — заявил он представителям дворянства и земства в начале своего царствования. С учётом того, что Александр III и мысли не допускал о каком-либо парламентаризме на вверенной ему территории, политическая программа его сына выглядела вполне определённой. Однако «что-то пошло не так».

Собственно говоря, почти всё. «Маленькая победоносная война» обернулась сдачей Порт-Артура и катастрофой Цусимы, верноподданное шествие рабочих к «обожжаемому монарху» 9 января 1905 года — кровавой бойней, летом начались восстания на флоте, к осени по всей стране горели барские усадьбы и бастовало около двух миллионов рабочих. Определённые «послабления» со стороны власти — указ о веротерпимости, манифест о созыве законосовещательной Думы — оказывались

[illegible]

▲ Алексей Кузнецов на фото фракции эсеров Государственной думы II созыва. Карл Булла, 1907 год

мерами запоздалыми, а посему бесполезными.

Манифест 17 октября был призван «оторвать» от революционного движения интеллигенцию и умеренную часть рабочих. Провозглашались гражданские свободы — слова, совести, собраний, союзов. Государственная дума, выборы в которую уже были объявлены, становилась законодательной, а круг избирателей существенно расширялся. Выборы проходили на сословной основе по четырём избирательным куриям и не были прямыми: землевладельцы и городские обыватели избирали депутатов в два этапа (избиратели — выборщиков, выборщики — членов Думы), крестьяне — в три, рабочие — в четыре. Несмотря на очевидное сословное неравенство избирательной системы, около половины депутатов проходило в Думу от крестьян.

«Зачем нам кузнец?..»

Алексей Федотович Кузнецов, 30-летний кузнец, «по пачпорту» — крестьянин, в феврале 1907-го был избран в Государственную думу II созыва от Тверской губернии. Входил в состав думской группы социалистов-революционеров. Он был, можно сказать, среднестатистическим депутатом — что по возрасту (почти половина состава Думы была моложе 50 лет), что по происхождению

(треть депутатов была крестьянами, по крайней мере, «по бумагам»), что по образованию (имел начальное образование, как и 32% думцев). Отличием же его было в том, что начинающий законодатель до избрания не раз имел конфликты с законом, в том числе с тюремным продолжением, причём отнюдь не в связи с политической деятельностью. Нетрудно представить, что свалившийся на него статус «народного представителя» вкупе с различного рода благами и депутатской неприкосновенностью вскружил голову нашему «герою». Одного жалования полагалось 350 рублей в месяц, что составляло примерно пять окладов гимназического учителя, человека с университетским образованием!

«А мало ли негодяев выбирали в Государственную думу: от Кузнецова, главы громил, до какого-то вора свиней по деревням... Ох уж это выборное начало... Всё горе от него».

**Александр Трепов, сенатор,
глава правительства на рубеже
1916–1917 годов**

▲ Алексей Кузнецов. Фото 1907 года

Самовыражался Кузнецов не столько с думской трибуны (в стенографическом отчёте его выступлений вообще нет; иногда журналисты путают его с другим Кузнецовым, Александром Африкановичем, депутатом социал-демократом от Симбир-

Иногда журналисты путают его с другим Кузнецовым

ской губернии), сколько за пределами Таврического дворца, «на публике». Например, на Пасху он отправился в Торжок (надо думать, к избирателям), где в трактире, требуя к себе особого отношения как к государственному деятелю, учинил пьяный дебош, завершившийся изодранием в клочья портрета государя императора — Кузнецов надел его на голову одному из недостаточно почтительных собеседников. По тогдашним, далёким от либерализма временам ему в соответствии со ст. 246 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», с учётом состояния опьянения (как ни удивительно, смягчающее для этой статьи обстоятельство!), полагалось от двух до восьми месяцев тюрьмы. Однако спасла депутатская неприкосновенность. Местная

▲ Большой проспект на Петербургской стороне. Открытка начала XX века

полиция уведомила Петербург, но наглец, разумеется, заявил о политически мотивированных кознях и сделал неправильные выводы. Они заключались в том, что ему «теперь всё можно».

Вскоре он это продемонстрировал. В середине ночи 19 мая в компании приятеля-журналиста депутат, будучи нетрезв (а как, скажите, быть трезву при таком жаловании?), встал напротив полицейских, нёсших службу у ресторана «Яр» на Большом проспекте Петроградской стороны, и начал справлять малую нужду. При этом он назидательно приговаривал: «Пусть городовые посмотрят». Привычные ко многому постовые (у «Яра»-то!) сначала пытались погасить зарождавшийся на глазах

скандал, но их увещевания только распалили пьяного законодателя, и случившийся неподалёку помощник пристава переправил его в участок. Там Кузнецов, обстоятельно высказываясь по различным, в том числе и правоохранительным, вопросам, гордо предъявил депутатский билет и был отпущен восвояси. Однако «дельце» обиженная полиция всё же завести не забыла.

Тверской депутат числился в Думе «при эсерах», и тамошние коллеги, люди, как правило, довольно строгой нравственности, после всех скандалов поспешили исключить его из фракции. Чувствуя, что дело «пахнет керосином», Кузнецов сложил с себя полномочия и убрался из Петербурга. Однако дома избиратели, осведомлённые о «художествах» своего «представителя», встретили его неласково, и он вернулся в столицу. Тут-то его и догнал «привет

▼ Дворец Строгановых.
Фото 1865 года

из Торжка»: за нарушение общественного спокойствия и оскорбление особы государя ему, уже расставшемуся с депутатской неприкосновенностью, дали два года тюрьмы. Там он пользовался уважением сокамерников, имел гордое «погоняло» Депутат и «закорешился» с профессиональным «медвежатником» (взломщиком сейфов) Яном Петерсом по кличке Васька Страус (фамилию Страус он носил по подложным документам).

Законодатель «в законе»

Выйдя из заключения, Кузнецов вступил со своим соседом по нарам, тоже к тому времени «откинувшимся», в устойчивые рабочие отношения, и они организовали шайку, первоначально промышленявшую грабежом магазинов. После трёх удачных «экспроприаций» полиция пришла к выводу, что имеет дело с одним и тем же преступным сообществом, и «напрягла» агентуру в соответствующей среде. Тем временем в смышлённую голову нашего «героя» пришла идея «ограбления века». Толчком к этому послужила случайная встреча с земляком. Иван Чугунов, овладевший ремеслом паркетчика, участвовал в реставрационных работах в Строгановском дворце на углу Невского и Мойки. Грех, как говорится, было не воспользоваться.

Чугунов за внушительную сумму в пять червонцев набросал план конторы, где располагались сейфы, и посодействовал в проникновении во дворец — под предлогом передачи столярного инструмента. Кузнецов, изображавший любителя изящных искусств, просвещённого купца из Соликамска, «исторической вотчины» Строгановых, отвлёк охранявшего вход дворника долгим разговором и дал возможность Петерсу и его подручным проникнуть внутрь.

Рано утром «купец» вновь битый час «точил лясы» с работником метлы («гостиница скверная попалась, не спится»), дав возможность взломщикам выйти с добычей. Вынесли немало, в том числе и «процентных бумаг» (облигаций государственного займа) на крупную сумму.

«Член Государственной думы, с.-р. депутат А. Ф. Кузнецов (от Тверской губ.), поведение которого на улице в нетрезвом виде, доведшее его до столкновения с полицией, дало повод к серьёзным нареканиям на него, заявил о своём выходе из с.-р. фракции. Таким образом, вопрос об исключении его из фракции сам собой пал. Земляки Кузнецова, сверх того, посоветовали ему сложить с себя депутатские полномочия».

«Русское слово», 23 мая 1907 года

▲ Банкнота в 50 рублей, выпуск 1899 года

Следствие вели специалисты

Полиция взяла след довольно быстро. Служка расположенной напротив дворца Голландской церкви сообщил о подозрительных беседах дворника с «чисто одетым» господином, тот простодушно всё рассказал, стали искать наводчика — и вышли на Чугунова, у которого при обыске в шапке обнаружили злосчастную пятидесятирублёвку. Из его показаний стало понятно, что с дворником «работал» Кузнецов. Проверили его тюремные связи — и пазл сложился: Петерс идеально подходил на роль организатора всего «дела».

Однако для того, чтобы найти в двухмиллионном городе «сладкую парочку», потребовалась широкая полицейская сеть. Владимир Филиппов, к тому времени уже почти 10 лет руководивший столичной сыскающей полицией, сумел внедрить в её работу передовые достижения розыскного дела — фотографирование преступников, толковую систему регистрации, дежурные бригады и «летучие отряды» («опергруппа-на-выезд» того времени). Работа с агентурой при нём также была поднята на должную высоту. Всё это принесло свои плоды. Полицейским раздали изображения Депутата и Васьки Страуса, меняльные конторы, занимавшиеся скупкой облигаций, были

► Начальник Петербургской сыскающей полиции Владимир Гаврилович Филиппов в рабочем кабинете. 8 февраля 1913 года

предупреждены, добровольным осведомителям поставили посильные задачи.

Как и положено, фраера сгубила жадность. Кузнецов утаил от товарищей часть процентных бумаг, которые ему «скинули с возвратом» тем самым утром, и потихоньку продавал их. Вот при этой операции его и накрыли. При обыске нашли воровской

Как и положено, фраера сгубила жадность

инструмент, часть похищенного, пустые бланки паспортов.

13 октября 1913 года газета «Русское слово» сообщила: «По делу об ограблении Строгановского дворца приговорены к лишению прав и заключены в арестантские

▲ Дом Голландской реформаторской церкви (часть здания с колоннами и куполом) на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. Фото конца XIX века

отделения бывший депутат Кузнецов, Страус и Тимачев на 5 с половиной лет, остальные на сроки от 4 с половиной до 1 года и 2 месяцев». Обвинение, сочтя наказание мягким, подало кассационную жалобу, Сенат направил дело на новое рассмотрение. Окончательным приговором Кузнецову отмерили шесть лет.

О дальнейшей его судьбе мы ничего не знаем. Если «досидел» до 1917-го, то должен был выйти по всеобщей амнистии, объявленной по инициативе министра юстиции Временного правительства Керенского. В этом случае весьма вероятно, что он примкнул к революционным массам как «пострадавший от царизма». Что ж, ещё нигилист Нечаев в своём «Катехизисе революционера» в далёком 1869-м призывал товарищей:

«Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России». Достоевский тогда под впечатлением от «нечаевского дела» (убили заподозренного в измене члена организации) написал роман «Бесы».

Бесы и есть. ▼